

УДК [323.22 + 316..3/. 4]

**МОЛОДЁЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ
КАК МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЁЖИ
В ПУБЛИЧНОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКЕ***С. Н. Чирун***YOUTH POLITICAL MOVEMENTS AND THE ORGANIZATIONS
AS MECHANISMS AND REALIZATION WAYS INDEPENDENCE
YOUTH IN PUBLIC YOUTH POLICY***S. N. Chirun*

В статье рассматриваются основные научные трактовки понятий: «молодёжное движение», «молодёжные организации», проводится их анализ, раскрываются основные характеристики, элементы, приводятся типологии. Наряду с традиционными формами рассматриваются так же инновационные «постмодернистские» формы молодёжного движения и его значение для молодёжной политики.

In article the basic scientific treatments of concepts «youth movement» are considered, «the youth organizations» their analysis is carried out, the basic characteristics, elements are opened, resulted typology. Alongside with traditional forms are examined as innovative «postmodernist» forms of youth movement and his value for a youth politics.

Ключевые слова: молодёжные организации, молодёжное движение, молодёжная политика.

Keywords: the youth organizations, youth movement, a youth politics.

Заметную роль в осуществлении молодёжной политики играют общественно-политические организации и движения. В определенных ситуациях они могут оказывать воздействие и на государственную власть, её институты. В этом случае они могут осуществлять функции групп интересов и групп давления. Действительно, в мире нет ни одной реальной политической силы, которая не культивировала бы в подрастающем поколении свои идеалы и ценности, помогающие ей сохраняться и переходить от поколения к поколению [1, с. 2.].

В одном из своих определений молодёжной политики В. К. Криворученко говорит о ней как о совокупном отношении «к молодому поколению, юношескому движению...» [2, с. 149]. По мнению А. А. Костровой, «Именно совокупная деятельность всех общественно-значимых субъектов политики и, прежде всего, молодёжных объединений ... придадут молодёжной политике характеристику публичной политики» [3, с. 27]. Существует подход, согласно которому сама молодёжная политика есть не что иное, как стратегия и тактика молодёжного движения [4, с. 22].

Однако, пока нет единого устоявшегося понимания сущности молодёжного движения. Ряд исследователей трактуют молодёжное движение как синоним молодёжной субкультуры, выполняющий функции социализации личности [6, с. 465].

Существуют попытки делить молодёжное движение на формальное и неформальное, аргументируя это тем, что формальное молодёжное объединение создается для молодых людей извне. Как правило, взрослые придумывают идею, цели, структуру для этих объединений и организуют вступление в них молодежь. Тогда как неформальные молодёжные объединения представляют группы, возникшие на основе субъективных потребностей, интересов и стремлений молодых людей, вне зависимости от то-

го, совпадают или противоречат их интересы интересам общества.

Весьма распространённым является подход, в котором авторы рассматривают молодёжное движение во взаимосвязи с актуальными проблемами молодёжи, патриотическим воспитанием и политикой, проводимой политическими институтами и, в первую очередь, государством в отношении молодежи [5].

Утверждение молодёжного движения в качестве фактора прогрессивных изменений предполагает, по Малеру, «новое воспитание в рамках молодёжного движения и всего общества», что означает переплетение самовоспитания с «опережающим участием, освобожденной социализацией» [6, р. 48.]. Подобной же точки зрения придерживаются такие авторитетные исследователи проблем молодежи, как В. Адамски, О. Бэдина, Н. М. Блинов, Р. Даткулеску, Ф. Гажо, И. М. Ильинский, А. Матейовски, Г. Мюллер [7].

Политологи М. Карват и В. Милянковский рассматривали молодёжное движение, как вид политического движения. В их концепции молодёжные организации и молодёжные движения производят из молодого поколения новое качество, «...создают из него общественный субъект...» [7, с. 16]. В. А. Луков определял молодёжное движение как способ самостоятельного участия молодёжи в процессе смены и преемственности поколений через специфические коллективные формы социальной активности [7, с. 66.].

Исследователь Хохлова Н. А. определяет молодёжное движение, «...как совокупность молодёжных организаций, которые создаются активной частью юношей и девушек, лидерами политических партий с целью удовлетворения определенных социальных, политических, личных потребностей, подготовки смены политической элиты» [8, с. 18.].

На наш взгляд, современное молодёжное политическое движение, являясь формой коллективного политического действия и/или участия, а также механизмом и в некоторых случаях этапом политической социализации, представляет собой синергичную модель субъектной самоактуализации молодёжи в молодёжной политике постмодерна, доступную (вследствие институционального плюрализма) и популярную для пассионарной молодёжи.

Несмотря на достаточно высокий научный интерес к различным аспектам молодёжных объединений, вопрос о характере субъектности молодёжи, её роли в функционирующей в России модели молодёжной политики до сих пор нуждается в теоретическом осмыслении с учетом нынешней общественно-политической ситуации, долгосрочных целей общественного развития и новых вызовов, а также с учетом тенденций социальной идентификации молодёжи.

Здесь сохраняется, а в условиях постмодерна даже углубляется ряд проблем, требующих концептуальной проработки. К ним можно отнести:

- концептуальное осмысление роли и места молодёжных организаций в системе молодёжной политики современной России;
- выявление доминирующих геополитических и внутривнутриполитических процессов, влияющих на роль молодёжного движения в трансформации молодёжной политики;
- выявление причин трансформации субъектности молодёжи постсовременной России в молодёжной политике;
- определение актуальных политических, социально-экономических, социально-психологических, ситуационных, организационно-управленческих, информационно-коммуникационных аспектов формирования и функционирования обновлённой модели молодёжной политики, отражающей императивы постмодерна.

По мнению Кольжановой И. Н., молодёжь представляет собой наиболее удобный инструмент для организаторов переворотов, поскольку именно «...против молодёжи вдвойне преступно использовать силу» [9, с. 17]. Молодёжь эпохи постмодерна управляема при помощи маркетинговых и пиар технологий: организации флэш-мобов, раздачи маек, кепок, наклеек, шаров и т. д. Медиа-средства коммуникации являются для молодых привычными источниками ценностей. Обостренное гендерное восприятие обеспечивает интерес молодёжи к эпатажным субъектам политики. В постмодерне для молодёжи уже не существует значимых идеологических оснований, способных их объединить и организовать, поскольку они ей не интересны, сама жизнь гораздо насыщеннее и чувственнее. Молодежи чрезвычайно импонирует игровой стиль современной жизни – неясный фатализм, яркость и красочность прилагаемых усилий. Именно поэтому молодёжные группы наиболее восприимчивы к постмодернистским технологиям в политике. Многие молодёжные движения уже сейчас являются постсовременными,

они, вбирая в себя осколки классических идеологий, ориентированы на эпатаж и аффект, на неформальное, чувственное восприятие действительности.

Впрочем, политолог Якушева, напротив, отмечает высокую степень формализации процедур, связанных с созданием «оранжевых» молодёжных организаций и использованием технологий молодёжной политики для активизации в обществе протестных настроений. Причём, данная технология, по мнению Якушевой, была «...основана на использовании стандартного набора способов и моделей организации деятельности, предполагающих использование как имеющихся общественных объединений, так и создание новых, претендующих на лидерство...» [10, с. 64].

Однако, следует заметить, что современная молодёжная политика уже не ориентирована на будущее, она исходит из важности ситуации и соответствия моменту, что характеризует её сущностную трансформацию.

Так, А. Г. Дугин констатирует трансформацию самой природы политики и её превращение в постполитику [11].

Виртуальный мир медиакратии не просто творит мир, он его растворяет, настойчиво навязывая собственную игровую, ироничную повестку дня. Это состояние французский философ Ги Дебор назвал «обществом зрелищ». Общество зрелищ является постполитическим обществом. И хотя в таком обществе политика не исчезает, но исчезает традиционное «политическое», и, соответственно, политика становится полностью дезонтологизированным полем игры случайных псевдополитических образов.

Молодежная политика в ее современном значении представляет собой процесс, развертывающийся от Политического к постполитике. Высшей властью в постполитическом обществе обладают СМИ. Быть актором, субъектом в «постполитике» означает «быть показанным», «упомянутым», «отмеченным». Это бытие длится одно мгновение, но это мгновение и воспринимается как единственная реальность.

Объективные закономерности и результаты развития экономической и социально-политической ситуации в постсоветских государствах все рельефнее показывают возрастающее значение молодёжи в политической жизни. Особенно ярко роль молодёжи в современных политических процессах проявляется в деятельности молодёжных движений, являющихся движущей силой «бархатных» или «цветных» революций, прокатившихся по странам постсоветского пространства.

Типовая «революционная» молодёжная организация образца начала XXI века, по технологии американского политолога Дж. Шарпа, не имеет единого личного лидера, чтобы не быть обезглавленной, а основной стратегией своих действий по дестабилизации политического режима и захвату власти. Молодёжь избирает ненасильственное политическое сопротивление, что представляет собой симбиоз анархизма в сочетании с методами современной психологической войны.

Рассматривая процессы по смене политической власти в ходе оранжевых революций, в том числе и события 2000 года в Югославии, где оппозиция отстранила от власти С. Милошевича, становится очевидным, что они проходили по схожим сценариям (в Грузии, Украине, Киргизии). При этом сходство «революционных» технологий ненасильственных действий оппозиционных политических сил, применявшихся в Югославии, Грузии, Украине и Киргизии, доказывает, что данные события:

во-первых, были организованы и поддержаны извне;

во-вторых, не были прямым следствием глубоких кризисных политических, экономических и социальных процессов в указанных странах. То есть, «оранжевая революция», в отличие от просто «революции», имеет экзогенный (сформированный извне) характер. Это, в частности, подтверждается тем, что ни в одном из этих государств не произошли значительные изменения в общественно-политической системе.

По мнению большинства политических наблюдателей, никто в этих странах не собирается всерьез заниматься ротацией элит, приоткрывая каналы политической мобильности, вводить в элиту пассионариев из низов. Такова практика, а не конъюнктурные намерения, тиражируемые в заявлениях лидеров цветочных революций. Ротации, как правило, подвергается лишь часть политической и экономической элиты, как правило, противостоявшая тем, кто одержал верх в битве за власть в республике. Разумеется, местные кланы производят передел сфер влияния, но никаких серьезных изменений в осуществлении экономического и социального курса не происходит, поскольку большинство представителей новой «революционной элиты» занимали весьма высокие посты при прежних режимах.

Таким образом, в ходе так называемых «оранжевых революций» молодая и прозападная часть элиты, используя технологии молодежной политики постмодерна, энергию широких масс населения, стремление молодежи к субъектности в политике, захватывала власть у более консервативной части политической элиты.

В политической литературе феномен «цветных» революций справедливо представляется как приуроченный к какому-либо важнейшему политическому событию в той или иной стране (как правило, выборам) политический переворот, осуществляемый при поддержке иностранных государств с целью наделения властью политической группировки, управляемой извне. При осуществлении этой деятельности используются новейшие научные разработки в области социальной психологии (технологии манипулирования сознанием) для активизации, как правило, среди политически пассивной части населения, особых некритических, зависимых, контролируемых, управляемых состояний политического сознания [12, с. 16]. В Грузии и на Украине в качестве такой силы выступила группировка национал-либеральных политиков западной ориентации. Политический переворот («революция») совершается

при помощи комплекса пропагандистских и организационных мероприятий, целью которых является вовлечение в процесс уличной борьбы: перманентных митингов, блокады административных зданий, перекрытий автодорог и т. п., как можно большего числа людей. Цель этих массовых акций – давление и шантаж на власть, принуждение ее к переговорам с политической оппозицией, и, в конечном счете, к сдаче своих позиций и полной политической капитуляции. Движущей силой массовых акций служат молодежные организации, а организационным и идейным ядром выступают особые, заранее подготовленные и профинансированные структуры, рекрутирующие в свои ряды в основном студенческую оппозиционно настроенную молодежь.

Интересен опыт некоторых государств, перенесших «цветные» революции.

Молодежная организация «Отпор» появилась в Югославии (в Сербии) в 1996 году. По признанию ее создателей, за движением стояла ранее сильно разобщенная сербская политическая оппозиция. «Отпор» избрал своей эмблемой провокационно сжатый кулак, с помощью американского финансирования (National Endowment for Democracy, International Republican Institute, Open Society institutes, The Soros Foundation) это движение оформилось в мощную политическую молодежную организацию. Примечательно, что участники «Отпора» начинали с того, что по ночам рисовали граффити на стенах домов: сжатый кулак и лозунги «Время пришло». На одежде «отпоровцев», наряду с традиционным кулаком, было требование перемен.

По оценкам политических наблюдателей, поначалу «Отпор» устраивал довольно забавные акции: так, на день рождения Милошевича они испекли огромный пирог в форме Югославии, нарезали его на куски и раздали прохожим, говоря при этом, что это именно то, что делает Милошевич с Югославией. Сообщается, что активистов «Отпора» тренировал в Будапеште полковник ВВС США Роберт Хелви. Тренировки с использованием методов ненасильственного сопротивления проводились в соответствии с методиками, изложенными в уже упоминавшейся выше книге Дж. Шарпа, на основе которой была издана брошюра, розданная более чем 70 тыс. активистам молодежной организации [12].

В Грузии, наряду с массовым молодежным движением, ключевую роль в оппозиционной агитации и активизации политического сознания населения сыграл ТВ-канал «Рустави-2», который спонсировал лично Джордж Сорос через свой Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) [12].

В свою очередь, украинская «Пора» была создана политически активной частью студенчества в 2001 году. Отмечается, что основные тренировки её активисты прошли в Сербии. Главными финансовыми донорами и идейными вдохновителями «Поры» были неправительственные организации «Наш выбор-2004» и «Свобода выбора», которые, в свою очередь, спонсировались уже перечисленными выше американскими демократическими институтами.

Таким образом, ведущей движущей силой «цветных» революций на данном этапе выступили массовые молодежные политические движения и организации. Путем спланированной и хорошо скоординированной деятельности, направленной против существующего политического режима, используя современные технологии манипуляции, они добились политизации общественного сознания и всплеска политической активности населения в интересах определенных геополитических акторов.

Характеризуя технологические особенности молодежной политики, задействованные в проведении «цветных революций» на постсоветском пространстве, можно отметить следующие особенности:

1. Действующие молодежные группы были консолидированы либеральными и частично социал-демократическими лозунгами, идеями демократии и правового государства.

2. Манипуляция политическим сознанием политически активной молодежи осуществлялась при помощи сетевых технологий.

3. Значительная часть традиционно политически инертной молодежи втягивается в события под влиянием массового психологического заражения, проникаясь иллюзиями «общности целей».

4. Политическим манипуляторам удается внушить широким массам молодежи, что их плачевное положение связано с конкретным «антидемократическим» режимом, что приход «демократического» правительства решит если не все, то большинство текущих острых проблем.

5. После свершившегося переворота молодежь обнаруживает себя обманутой, сталкивается с жесткими неолиберальными реформами, со снижением уровня жизни, социальной и правовой защищенности.

В этом случае уместнее говорить о симулякре субъектности молодежи в молодежной политике, нежели о ней как реальном состоянии.

Указанная стратегия и тактика молодежных движений была направлена на делегитимацию существующих политических институтов, захват политической власти в стране в целях смены политического режима.

Институциональный подход к изучению публичной молодежной политики диктует потребность выявить специфику всех её субъектов, ибо реальная жизнь складывается, как интегрированный результат сложной политической «игры» разнообразных акторов, действующих на общественной сцене [3, с. 75].

В условиях социальной неопределенности, характерной для общества постмодерна, молодежное движение становится значимым актором публичной молодежной политики, важным механизмом политической социализации молодежи и воспроизводства социально-политических отношений в обществе.

Существенная функция молодежных организаций и движений, поддерживаемая государством и

всячески спонсируемая державно ориентированным бизнесом, должна заключаться в активизации социально-политического развития молодежи – повышении реальной, действительной субъектности молодежи в молодежной политике (но не её симулякров), предотвращении тенденций ее социального отчуждения и маргинализации, активизации социального участия на основе самоопределения и укрепления гражданских идентичностей.

Литература

1. Тетерский, С. В. Международный опыт государственно-общественной поддержки социальных инициатив детей и молодежи: Монография / С. В. Тетерский. – М.: Реглант, 2003. – 211 с.

2. Криворученко, В. К. Молодежь и молодежная политика: термины и понятия / В. К. Криворученко. – М.: Национальный институт бизнеса, 2005. – 400 с.

3. Кострова, А. А. Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России / А. А. Кострова: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – М., 2008. – 229 с.

4. Забелин, П. В. Молодежная политика: стратегия, идеи, перспективы / П. В. Забелин. – М., 1998. – 86 с.

5. Ковалёва, А. И. Социология молодежи: теоретические вопросы / А. И. Ковалёва, В. А. Луков. – М.: Социум, 1999. – 325 с.

6. Mahler, F. Introducere in Juventologie / F. Mahler. – Bucuresti: Ed. Stiintifica si enciclopedica, 1983. – 296 p.

7. Луков, В. А. Молодежное движение в социалистическом обществе / В. А. Луков. – М.: Мол. гвардия, 1987. – 222 с.

8. Хохлова, Н. А. Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ / Н. А. Хохлова: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – Н. Новгород., 2007. – 249 с.

9. Кольжанова, И. Н. Общественно-политические молодежные движения в современной России: масса, элиты, лидеры / И. Н. Кольжанова: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – Ростов-на-Дону, 2006. – 164 с.

10. Якушева, И. П. Современные молодежные движения как фактор активизации политического сознания в Российском обществе / И. П. Якушева: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – М., 2007. – 180 с.

11. Дугин, А. Г. Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ / А. Г. Дугин: дис. ... д-р полит. наук (23.00.02). – Ростов-на-Дону, 2004. – 346 с.

12. Замай, И. В. Ненасилие в политических трансформациях на постсоветском пространстве / И. В. Замай: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – М., 2007. – 167 с.